

Лин Цюн смотрел, как густые капли дождя барабанят по лобовому стеклу, и невольно дёрнул бровью.

Особняк был настолько огромным, что даже после того как он припарковал машину в гараже, до самого дома оставалось ещё порядочное расстояние.

Лин Цюн заглушил двигатель, отстегнул ремень безопасности и начал снимать с себя верхнюю одежду.

Фу Синъюнь бросил на него взгляд:

— Ты что делаешь?

Лин Цюн скинул пальто:

— Раздеваюсь.

Разве не очевидно?

— ... — Фу Синъюнь нахмурился. — Зачем ты раздеваешься?

На этот раз Лин Цюн не ответил. Вместо этого он наклонился вперёд и начал расстёгивать пальто самого Фу Синъюня.

Юноша навис над ним, его пушистая макушка то и дело мелькала у самого лица Фу Синъюня, а густые тёмные пряди порой касались его подбородка.

Фу Синъюнь нахмурился и слегка задрал голову, но сбившиеся волосы скользнули по кадыку.

Он сверкнул глазами, стиснув челюсти:

— Ты с ума сошёл?! Что ты вообще творишь?!

Лин Цюн чуть склонил голову, невинно моргнув:

— Раздеваю тебя.

Разве не очевидно?

— ...

Двое мужчин в замкнутом пространстве машины, и один из них снимает с другого одежду — ситуация, мягко говоря, неловкая.

— Убери руки, — произнёс Фу Синъюнь, поднимая ладонь, чтобы остановить его.

Лин Цюн отмахнулся:

— Не ной.

Он вновь наклонился, полностью сосредоточившись на пуговицах.

Фу Синъюнь застыл, лицо его напряглось. Он глубоко вдохнул:

— Ты вообще что сейчас делаешь?!

Не успел он договорить, как Лин Цюн уже набросил только что снятую рубашку ему на голову.

Затем он поднял другую часть своей одежды и начал аккуратно обматывать ей ногу Фу Синъюня.

Бровь последнего дёрнулась — наконец-то он понял, что задумал Лин Цюн.

— Убери. Мне не нужно.

Лин Цюн даже не взглянул на него — продолжал как ни в чём не бывало.

— Ты не слышал, что я сказал? — нахмурился Фу Синъюнь.

— Слышал, — честно ответил Лин Цюн.

— Ну и почему не останавливаешься?

— Потому что постигаю «Дао дэ цзин».

— Что?

— Ничего, — Лин Цюн быстро одумался. — Мы ведь сейчас пойдём внутрь, верно? Я просто не хочу, чтобы ты промок под дождём.

Фу Синъюнь потянулся, чтобы стянуть своеобразный бинт с ноги:

— Не нужно.

Лин Цюн тут же перехватил его руку:

— Как это не нужно? У тебя нога ещё не зажила. В такую сырость обязательно начнёт ныть. Не позаботишься сейчас — потом хроническая боль обеспечена.

Лицо Фу Синъюня потемнело:

— Я сказал: не нужно. Убери.

Лин Цюн вместо этого затянул повязку туже.

Фу Синъюнь ничего не чувствовал — то ли из-за гнетущей влажности дождливого дня, то ли от бессильной злости на Лин Цюна, который возился как назойливая бабушка. В груди поднялась волна раздражения.

— Ты что, не слышал?! — резко рявкнул он. — Я сказал, мне не нужна твоя помощь!

Крик был настолько внезапным, что Лин Цюн вздрогнул, точно испуганный хомяк, уронивший семечки.

Он уставился на упрямого молодого человека — которому, между прочим, скоро тридцать — и надул губы:

— Ну почему ты такой злой?

Такой грозный... и такой несмышлёный.

Фу Синъюнь отвернулся, не желая даже смотреть на него.

Лин Цюн не обиделся — он давно привык к его бунтарству.

Он открыл дверцу машины, выбрался наружу и достал из багажника инвалидное кресло. Они всё ещё были в гараже, но, глянув на проливной дождь снаружи, Лин Цюн невольно сглотнул.

Собравшись с духом, он увидел, как Фу Синъюнь попытался снять с себя рубашку, чтобы отдать её ему. Лин Цюн тут же перехватил и вновь завернул в неё мужчину, пригрозив:

— Снимешь — брошу тебя под дождем.

Фу Синъюнь бросил на него хмурый взгляд.

Лин Цюн самодовольно хмыкнул: Испугался, значит.

В следующую секунду Фу Синъюнь спокойно сдёрнул с ног плед.

Лин Цюн:

—

В итоге он снова закутал Фу Синъюню ноги, а заодно — на всякий случай — и руки. Только тогда тот наконец прекратил сопротивляться, хотя глаза его пылали яростью. Чувствовал он себя в этот момент... как психически неуравновешенный пациент, которого собираются увезти в соответствующее заведение.

Лин Цюн нервно сглотнул. Он был уверен, что этот хитрый старый лис уже записал его имя в Тетрадь смерти. Раньше он бы и за миллион лет не посмел так обращаться с Фу Синъюнем — но теперь всё было иначе.

Лин Цюн вздохнул, как уставший отец, и подумал, что, может быть, однажды этот непослушный, сбившийся с пути молодой человек — которому, между прочим, почти тридцать, — всё-таки поймёт, как о нём заботились.

Он подхватил Фу Синъюня и рванул обратно к вилле. Но, как они ни спешили, промокли оба до нитки.

Лин Цюн присел и начал снимать с Фу Синъюня мокрую одежду. К счастью, брюки почти не промокли.

С его чёлки капали капли дождя, время от времени попадая в глаза и вызывая жжение. Лин Цюн поморщился, а затем тряхнул головой, как мокрый щенок, стряхивая капли.

Фу Синъюнь, которому брызги попали прямо в лицо, уставился на него в полном недоумении.

Лин Цюн почесал в затылке:

— Прости, я не специально.

Но холодный взгляд Фу Синъюня ясно дал понять — он всё ещё зол. Тот резко развернул коляску и покатыл к лестнице.

Глядя на его ледяное выражение, Лин Цюн испытал укол вины.

Он ведь вернулся насквозь промокшим, и вместо благодарности получил только агрессию.

Неблагодарный гадёныш!

Раздосадованный, Лин Цюн с шумом затопал вверх по лестнице в душ, намеренно с силой наступая на ступеньки мимо двери Фу Синъюня.

Тот, услышав тяжёлые шаги за дверью, молча смотрел на свои ноги. Взгляд его мрачнел с пугающей скоростью.

Раздражение, зародившееся ещё в машине, не спешило утихать. Но где-то в глубине души он знал:

Эти ноги уже никогда не восстановятся.

Лин Цюн вымылся, приготовил ужин и теперь нерешительно стоял у двери Фу Синъюня.

В конце концов, он прибегнул к универсальному родительскому способу примирения после ссоры:

— Иди есть.

Услышав его голос, Фу Синъюнь разжал стиснутый кулак. Он вспомнил испуганное выражение лица Лин Цюна в машине, когда на него накричали, и выдохнул застоявшийся воздух.

Он действительно переборщил.

Он спустился на кухню и увидел Лин Цюна, суетливо расставлявшего тарелки.

— Эм... — начал он.

Лин Цюн обернулся:

— Что такое?

Фу Синъюнь с неловкостью кашлянул и перевёл взгляд на стол — он был уставлен тарелками с ярко-зелёными овощами.

Фу Синъюнь:

— ...

Лин Цюн поставил последнюю тарелку с обжаренной зеленью и весело улыбнулся:

— Ешь. Сегодня приготовил с запасом, так что накладывай побольше.

Он даже взял палочками немного еды и положил прямо в тарелку Фу Синъюня.

Фу Синъюнь:

—

Он делает это нарочно.

Весь ужин прошёл в гробовом молчании, но в воздухе звенело напряжение, будто всё вокруг

стало одной большой бочкой с порохом.

Обычно Лин Цюн ни за что не посмел бы себя так вести. Обижать злодея — смерти подобно. Но сейчас он явно был не в духе.

Закончилось всё тем, что они разошлись по комнатам с одинаково скверным настроением.

Лин Цюн чувствовал лёгкое удовлетворение, но вместе с тем — неприятный осадок.

Тем вечером, после душа, он вошёл в комнату Фу Синъюня с видом человека, прибывшего с дипломатической миссией.

Он хотел извиниться — но гордость не позволяла склонить голову.

Фу Синъюнь уже лежал в кровати, на тумбочке рядом с ним лежала раскрытая книга. Голос его прозвучал холодно:

— Что тебе нужно?

Все мягкие слова, что Лин Цюн успел продумать, тут же застряли в горле. Он подражающе скопировал тон Фу Синъюня:

— Проверяю, нормально ли ты спишь.

Он бросил взгляд на открытую ногу Фу Синъюня и невзначай натянул на неё одеяло.

Встретившись с его холодным взглядом, Лин Цюн тут же вспыхнул:

— Чего уставился?! Ты взрослый мужик — не можешь сам укрыться? Хочешь замёрзнуть посреди ночи?!

С этими словами он решительно хлопнул ладонью по одеялу, будто ставя жирную точку, и вышел из комнаты, всем своим видом выражая:

«Живу одним днём!»

Фу Синъюнь стиснул зубы. В этот момент Лин Цюн казался ему абсолютно невыносимым.

Идиот! Как вообще возможно замёрзнуть посреди лета...?

Утро после начала их холодной войны Лин Цюн выразил своё негодование в самой понятной ему форме: не приготовил завтрак.

Обычно он просыпался рано по внутренним часам. Но сегодня, открыв глаза в шесть утра, решил, что на свете есть дела поважнее, чем готовка. Например — выспаться.

Он выбрался из постели только к полудню, уверенный, что Фу Синъюнь уже усвоил урок. Приготовил обед и пошёл его звать:

— Обед готов.

На удивление, из комнаты раздался ленивый голос Фу Синъюня:

— Не хочу.

Ах так? Хорошо, парень. Теперь ты действительно привлёк моё внимание.

На ужин Лин Цюн не стал заморачиваться и просто отварил две миски лапши с яйцом.

К этому моменту Фу Синъюнь не ел уже весь день. Сделав глубокий вдох и напомнив себе, что пока он всё ещё зависит от Фу Синъюня финансово, Лин Цюн натянул на лицо любезную улыбку и зашёл в комнату.

На этот раз его голос звучал гораздо мягче:

— Синъюнь...

Рука Фу Синъюня, державшая кисть, застыла. На белоснежной бумаге расплылось чёрнильное пятно.

Он на мгновение поднял глаза:

— Что?

Лин Цюн выдавил профессиональную улыбку:

— Ужин готов.

Фу Синъюнь посмотрел на него вскользь:

— Я не голоден.

— Почему?

— Потому что.

Лин Цюн уставился на него. На секунду ему захотелось врезать. Он заставил себя снова улыбнуться:

— Всё ещё дуешься, да?

Фу Синъюнь явно попал под точку и замолчал. Наконец, пробормотал:

— Нет.

"Нет", говоришь? Да ни черта.

Лин Цюн сжал губы:

— Тогда спускайся и поешь.

Вспомнив вчерашний «вегетарианский банкет», Фу Синъюнь окончательно потерял аппетит:

— Не хочу.

Прекрасно! Великолепно! Просто идеально!

Лин Цюн глубоко вдохнул, уже было собрался развернуться и уйти, но вдруг понял — если просто уйдёт, будет выглядеть слабаком.

Он зло глянул на Фу Синъюня:

— Отлично! Я и не для тебя готовил! Я сам съем обе миски лапши с курицей!

Фу Синъюнь поднял на него взгляд, челюсть сжалась.

Лин Цюн вызывающе задрал подбородок:

— Это твоё дело. Не хочешь есть — не моя проблема.

— Ты... — начал Фу Синъюнь.

— Что? Посадишь желудок от голода — ухаживать не буду! Я... я возьму твои деньги, найму красавчиков, буду жить в твоём доме, тратить твои деньги и... и изменю тебе!

Лицо Фу Синъюня потемнело от ярости. Сквозь стиснутые зубы он выдавил два слова:

— Лин Цюн!

— Чего?! — огрызнулся тот.

— Значит, вот как ты на самом деле думаешь! — рявкнул Фу Синъюнь. — Все твои слова про то, что ты вышел за меня по любви — враньё.

Лин Цюн злобно уставился на него. Огонь, копившийся в груди, больше не сдерживался. К чёрту всё.

□Я уже прожил две жизни и ни разу не жил спокойно. Если сейчас не выговорюсь — он всё равно меня прикончит. Лучше сгореть, чем угаснуть.□

Да что толку в деньгах, если ты труп? Ты их с собой в могилу не унесёшь. Даже за тысячу золотых монет не купишь такого удовлетворения!

— Именно! Я давно этого ждал! Мечтаю о дне, когда ты окончательно свалишься в постель, и я смогу взять твои деньги и жить в своё удовольствие!

Фу Синъюнь стиснул зубы:

— Прекрасно. Я даже не подозревал, что у тебя свои планы.

— У меня полно планов, понял?! — огрызнулся Лин Цюн. — Буду ходить по барам, шляться по клубам и пропадать ночами напролёт! Совершу все ошибки, какие только совершают мужчины на этой планете!

В его голосе звучал вызов, лицо налилось упрямством:

— А когда ты станешь старым и уже не сможешь двигаться, я выкачу тебя в парк — и буду танцевать там кадрили с другими старичками!

Примечание автора:

Лин Цюн: Я живу только сегодняшним днём.

<http://bllate.org/book/12640/1121103>